

nal Ideas and Legislative Wordings of the Eastern European Countries // Journal of Politics and Law. 2017. Т. 10, № 4. С. 221-224.

12. Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. – Москва, 2016, Сер. Теория и история государства и права. – 416 с.

Макогон Борис Валерьевич

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

Стус Ангелина Алексеевна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ КАК ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ

Аннотация. В статье на основе анализа классических и современных теоретических источников представлено разделение властей в качестве правового ограничения. Сделан вывод, что система разделения государственной есть правовое средство, характеризующееся именно ограничительной направленностью. При этом само по себе разделение власти не обладает всем ресурсом, необходимым для определения (установления) нерушимых пределов функционирования публичных субъектов.

Ключевые слова: разделение властей, государственная власть, публичные субъекты, правовые ограничения.

«Для развития самой правовой системы или, говоря традиционным языком, объективного права немаловажное значение имеет вопрос о соотношении норм-принципов и норм – правил поведения в таких нормативных структурах, как отрасли права и институты. Когда мы говорим о принципе законности, принципе диспозитивности, принципе состязательности, принципе равного доступа к государственной службе и т.п., мы понимаем, конечно, что это всего лишь названия принципов, а сами принципы требуют более или менее развернутой формулировки. От того, насколько удачно она

выражает свой предмет, зависят регулятивные качества нормы-принципа»
: Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 678.

Правовые ограничения в материальной и процессуальной инкарнациях разнообразны. При этом во всех видимых нами вариантах одной из ключевых характеристик выступает правовой режим взаимодействия ветвей публичной власти.

Система разделения властей представляется нами результатом воплощения концепции так называемой «смешанной конституции», сепарирующей исполнительную власть монархической системы правления и законодательную власть, принадлежащую народу. В таких условиях появляются предпосылки для генезиса и развития независимой судебной системы, которая встает в один ряд с системами законодательной и исполнительной, и классическое разделение властей обретает три организационно-функциональные ветви, устанавливающие в рамках принципа взаимодействия [1] взаимный контроль в целях достижения баланса в государстве, которое предстает как общественно-политическое достояние. В Новое время, восприняв и развив эти идеи, оформившиеся еще в античности, Джон Локк и Шарль Луи Монтескье взрастили из них один из столпов правового государства в современном его понимании. Для органа, который избирается народом и принимает общеобязательные абстрактные предписания (законы), недопустимым являются ассоциации с ним исполнительно-распорядительной власти и, тем более, прямая идентификация с последней. Воплощенная в системе исполнительных органов, эта распорядительная власть вовне действует посредством индивидуальных и конкретных мер, регулирующих отдельный случай в качестве выражения признака конкретности, и мер, относящихся к четко определенному ряду субъектов (в качестве выражения специальности) [2]. В случае наличия спорной ситуации в контексте того, верно ли реализует (выражает) принимаемый акт волю законодателя – ее разрешение находится в компетенции независимых судов.

Вторым европейским автором, работавшим на рубеже Средневековья и Нового времени над проблемой гарантий обеспечения свободы в рамках государства, был Монтескье, хотя, думается, оба ученых, скорее всего, заблуждались касательно образцовости уже сложившегося в Великобритании того времени разделения властей, обеспечивающего такую свободу. При четком правовом разделении государственной власти, первоначально понимаемой как абсолютно единой, на три ветви-части, государственно-властный субъект получает умеренную государственность с достаточно твердыми гаранти-

ями обеспечения свободы. Как результат – при оформлении всех массивов основных прав и свобод их гарантированность становится не такой важной, как достижение той самой умеренной государственности, представляющей окончательной целью. Монтескье даже видел некую высшую и всеобщую свободу во взаимном блокировании ветвей власти.

Если в труде «О духе законов» наличие системы разделения властей еще отчетливо не представлялось в качестве одного из главных признаков правового государства, то в XIX в. в условиях конституционной монархии уже практически ни у кого не осталось в этом сомнений.

Примечательно, что государства с различными формами правления попытались в той или иной мере однозначно реализовать принцип разделения властей, однако, в итоге, как и следовало ожидать, получили определенные различия в указанной области. К примеру, если в предоставляющей президенту верховную исполнительную власть Конституции США система разделения властей очерчена особенно четко, то в парламентских республиках вышеобозначенное разделение проступает менее определенно. В частности, интересно то, как парламентское большинство в то же время составляет и исполнительную. В этой связи существенное значение приобретает юрисдикция и деятельность административных судов, отчасти восполняющая возможный недостаток ресурсов правового государства.

Еще со времени Великой французской революции горизонтальное разделение властей дополняется и сопровождается вертикальным, предполагающим учреждение под уровнем центрального государства особого уровня, именуемого «муниципальная власть». Хотя, справедливости ради отметим, что базовая идея, касающаяся данного уровня власти, появилась задолго до французской революции, подтверждением чему служит появление и развитие, в частности, в Германии, общин двух типов: городских и деревенских.

Итак, функционирование ветвей власти только лишь в рамках определенной сферы – это фундаментальное их предназначение в соответствии с принципом разделения властей, обрамленное юридической ответственностью в двуедином ее понимании [3; 4]. Государственный орган, относящийся к той или иной ветви власти, не может решать задачи (осуществлять полномочия) другой ветви, действует строго в рамках соответствующей компетенции. В этом ключе оформляется комплекс детерминированных ограничений, определяющих координаты деятельности субъекта в юридическом процессе [5]. В частности, для органов законодательной власти юридически закреплена процедура законотворческого процесса, в том числе правовое регулирование его стадий. Для системы органов исполнительной власти характерны ограничения в рамках ведомственного нормотворчества, а также особые за-

преты на принятие ими правовых актов, вторгающихся в исключительно законодательный предмет правового регулирования. Солидаризируясь с А.В. Малько [6], здесь же отметим установленные законом сроки осуществления президентом своей власти, закрепленные процедуры отрешения от его от должности, выражения вотума недоверия правительству и пр.

Вместе с тем, в государственно-правовых системах, в которых юридически и фактически наличествует разграничение компетенции между органами, относящимися к различным ветвям власти, также имеется значительное количество «сдержек и противовесов». Однако, следует оговориться, что, признавая разграничение компетенции между высшими органами различных ветвей власти, государство может воплощать в жизнь принцип единства государственной власти, что особенно актуально в условиях витков глобализации [7; 8; 9; 10; 11; 12], отрицая традиционное разделение властей.

Таким образом, система разделения государственной власти видится нами правовым средством, характеризующимся именно ограничительной направленностью, которое само по себе не обладает всем ресурсом, необходимым для определения (установления) нерушимых пределов функционирования публичных субъектов.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.

2. Правовое государство и государственное устройство: поиск оптимума: совместное исследование германских, российских и монгольских ученых / под общ. ред. А. Мацнева, Г. Шоллера. – М., 2011.

3. Макогон Б.В. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 6 (49). С. 74-80.

4. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.

5. Макогон Б.В. Процессуально-правовые координаты деятельности субъектов публичной власти. Монография. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2013. 164 с.

6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М., 2004.

7. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2-4.

8. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.

9. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 4. С. 150-151.

10. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. №. 6. С. 29-32.

11. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. №. 5. С. 15-18.

12. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 32-35.

Нифанов Алексей Николаевич,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

Шамаева Карина Вахитовна,

соискатель кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

РАЗВИТИЕ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа законодательства Чеченской Республики, регламентирующего статус уполномоченного по правам человека и отдельных категорий лиц. Установлено, что республиканский тренд специализации соответствует федеральному.

Ключевые слова: права человека, уполномоченный по правам человека, уполномоченный по правам ребенка, уполномоченный по защите прав предпринимателей.

«Если некоторые социальные институты, создаваемые людьми, возникают как бы невидимо, бесшумно, получают сами собой либо конструиру-